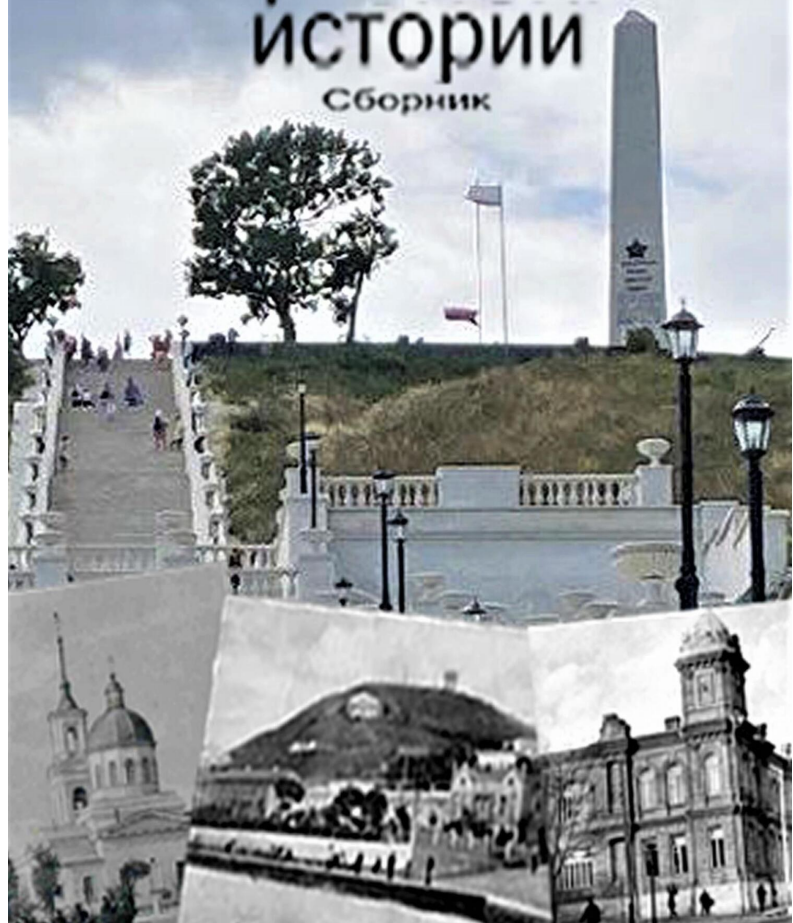

Валерий Заболотный
**Керченские
истории**
Сборник

Валерий Павлович Заболотный

Керченские истории. Сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68983383

SelfPub; 2023

Аннотация

В сборнике две книги – "Плач морской чайки" и "Керченские рассказы", объединенные одним сюжетом. В первой книге повествуется о событиях довоенного периода и периода Великой Отечественной войны на территории Керченского полуострова глазами подростка, пережившего эти нелегкие годы. Во второй – автором от первого лица описывается судьба главного героя повествования после войны, а также проводится исторический экскурс в прошлое, в ходе которого читатель узнает о малоизвестных фактах древней Керчи. При описании исторических событий проводятся параллели с днем сегодняшним, также автором переданы говор и наречия тех времен практически дословно. Книга рассчитана на читателя, интересующегося исторической правдой без прикрас из первых уст.

Валерий Заболотный

Керченские

истории. Сборник

От автора

Связь поколений. Всего два слова и так много смысла. В чем эта связь выражается? Да все просто – в обычаях, традициях своего народа, а также в его памяти. В памяти тех событий, из которых была соткана жизнь поколения. Ведь стоит нам забыть своих предков, свою историю, мы превращаемся в безликую массу, которой уже можно навязать другую память и другую историю, преподнося ее как истинную и настоящую. Народ без памяти не имеет будущего, такими людьми можно легко манипулировать и навязывать им чужие ценности и чужие идеалы. Почему мы это позволяем? А не потому ли, что сами не интересуемся и знаем историю родного края, историю своей семьи, рода, да что там говорить, зачастую не знаем даже имен своих прабабушек и прадедушек... В своей небольшой книге, сотканной из обрывков воспоминаний моего отца – Заболотного Павла Владимировича, которыми он делился со мной на протяжении всей своей жизни, я попытался на примере одной семьи, одного рода, на долю которого пришлось тяжелые годы Ве-

ликой Отечественной войны, заполнить эту брешь, соединить время связью поколений. Как мне удалось это сделать – судить читателю. Да простит меня читатель, за несоответствия имен героев повествования (или наоборот за их соответствия), некоторые неточности, ведь повествование это изложено по памяти ребенка, и записано мной уже после смерти моего отца, однако все сюжетные линии и факты являются подлинными, такими как их видел и знал от предков мой отец, также мной, насколько это возможно, в произведении переданы говор и наречия местных жителей тех времен, практически дословно.

Книга первая Плач морской чайки

Отцу моему посвящается...

глава первая

Меж холмистых степей Восточного Крыма, невдалеке от города Керчи, на территории Маяк-Салынского (ныне Ленинского) района, ютится небольшой поселок. Его дома разбросаны, казалось бы, хаотично в низине, среди возвышенностей, но все же, в этом есть определенный порядок. Издавна люди выбирали для жизни места под горой, на косогоре или небольшой площадке, оставляя обширные ровные пространства для возделывания пашни, выпаса скота. Так случилось и в нашем случае – как говорят старики – селенье на-

ше – Булганак (ныне- Бондаренково), а именно о нем сейчас идет речь, возникло, когда три одиноких хутора решили объединиться и начать жить совместно, образовав при этом это поселение. До этого хутора эти располагались также недалеко друг от друга, и их можно было обозреть с ближайших возвышенностей. Так, один из них, стоял у подножия Вала (с юго-восточной стороны) – длинного высокого холма, тянувшегося вдоль побережья Азовского моря, другой в районе Цвеликова бугра, а третий – на нынешнем месте села. Объединившись, люди основали поселение и стали помогать друг другу по-соседски: возделывать пашню, пасти скотину и ловить рыбу. А рыбы в нашем море по тем временам водилось намного больше, да и была она покрупнее. Такую рыбу как бычки (или по-керченски «бички») за рыбу и не воспринимали, а некоторые особо зажавшиеся коты, к слову сказать, даже есть ее не желали. Ловили, в основном, рыбу красную – белугу, осетра, севрюгу, а также кефаль и судака, зимой – керченскую селедку, когда она сбивалась в косяки и подходила ближе к берегу. Часть улова рыбаки продавали в городе, на базаре, а часть пускали в пищу в любом виде. Из такой рыбы получалась необыкновенной вкусноты уха, которую, зачастую варили рыбаки прямо на берегу, ну а, вернувшись домой семья собиралась за столом и могла поесть соус из свежеприготовленной рыбы – это кушанье вошло в жизнь керчан очень прочно и до сих пор, представляя, по сути своей, очень густой суп, где основными ингредиентами

были: картошка, лук, морковь и рыба (позже, в наши дни за неимением красной рыбы хозяйки, знающие этот рецепт, заменяли ее, по возможности, мясом). Также керчане, при изобилии, могли поесть рыбу жареную, а спустя некоторое время, после засолки и вяления на свежем воздухе – и особого, отменного качества балык из краснюка, как его тогда называли. Балык этот, отливающий своим янтарным цветом на солнце, делали люди и до последних времен, до тех пор, пока рыбы красной в море не стало, да и представителей других пород стало значительно меньше.

В те же времена, благодаря водившейся в изобилии рыбе, местные жители, даже в самые лютые неурожаи, продрозверстку и прочие напасти, случавшиеся в завидной периодичностью в наших краях, никогда не умирали с голоду, что было не редкость по тому времени в остальной России: на Украине, в Поволжье и других местах нашей необъятной страны, как бы и когда она не называлась.

Из этих мест и бежали люди всеми правдами и неправдами в Крым, к морю, спасаясь от голода, ведь на то время море могло прокормить всех. Бегут люди в Крым и в наши дни, спасаясь от безденежья, пытаясь найти лучшую судьбу, но уже не то море, и не те люди их ждут, да и не ждут вовсе, как и не ждали тогда. В окрестных селах, да и в самом городе на тот момент жили люди разных национальностей. В основном народ местный был смесью русско-кубанской культуры, с примесью татар, крымчаков и караимов, также в этом

этносе выделялись итальянцы и греки, которые проживали, как правило, в городе, особняком, сохраняя свои обычаи и культуру. И, конечно же, были евреи (куда без них в теплом приморском городе) – они составляли касту, как правило, привилегированных сословий – портных, торговцев и прочих дельцов. Итальянцы славились возделыванием сложных для выращивания в нашем климате культур – помидоров, и не жалели своего труда, обрабатывая большие поля, на которых созревали овощи. Влаги в земле и на тот период было немного, поэтому еще с тех времен от старых итальянцев мне запомнилась фраза: «одна сапка – полдождя, две сапки – один дождь», что означало, если обработать сапкой (цапкой) два раза участок с помидорами, это все равно, что прошел один дождь.

Со времени основания села, оно выросло, с приходом большевиков в наш край, в нем основали колхоз «Красный пахарь», который объединял земли близлежащих сел – Булганака и Катерлеза, и жизнь в колхозе потекла своим неторопливым ходом, чередой своих неторопливых событий. Колхозники занимались тем, что возделывали пашню, основанная рыбацкая артель занималась выловом рыбы, которая поставлялась в город через заготконторы для дальнейшей реализации. Народ на селе в ту пору был трудолюбивый, как говорили, «завзятый» и не гнушался тяжелого физического труда, добывая свой хлеб насущный. Часть мужского населения трудилась в «скале», так называли ка-

такомбы, расположенные прямо за околицей Булганака, где вручную, под землей, люди вырезали камень или по нашему «штуки», из которых и строили дома, в своем селе, а также в окрестных городах и селах. Люди позажиточней, крыли свои дома черепицей – «татаркой», в виде полукруглых желобов небольшой длины, скрепленных меж собою особым глиняным раствором. Конечно у тех, кто был победнее, крыши не славились таким богатым убранством и были покрыты чем угодно: от кусков железа до простой соломы. Народ в своей массе был местный, парни женились на девках, из своего села, либо сел окрестных, городские девушки, в основном, обходили стороной деревенских парней, но им и так хватало внимания. С некоторым недоверием относились местные к приезжим, называя их «переселенцами» и слово это до сих пор можно встретить на устах жителей села, и в названиях улиц, хотя многие уже и не знают и не понимают его значения.

Относясь к переселенцам с недоверием, местные зачастую смеялись в глаза их говору и произношению, и дивились некоторым неизвестным доселе именам и названиям. Кстати о языке. В селе все говорили на простом и понятном для всех языке, однако выходя в город – скупиться в лавку, либо на базар, а вдруг и сфотографироваться на карточку (бывало и такое) старались говорить на другом языке – «по-городскому», прежде всего, чтобы не выглядеть простачками, «деревенщиной». Много лет спустя, я сам, оказавшись в городе,

узнал, что эти два языка или наречия, которые мы считали городским и деревенским, на самом деле являются языком русским – для городских жителей, и украинским – для селян.

Ну, а теперь стоит сказать и о главном герое сего повествования, то есть обо мне. Вот этот белобрысый мальчуган, с коротким, выгоревшим от солнца волосом, стоящий в пыли, в «постолах» (вид сельской обуви) на сельской дороге в коротеньких штанишках и есть я. Зовут меня Павка, и я уже взрослый, ибо у меня есть младший брат – вечно что-то жу-ющий пузатый коротыш, за которым я должен следить и го-дить ему, иначе мне будет горе. Излишне говорить, что когда появился Иван (так зовут моего братца), детство для меня закончилось, и я стал «здоровилой», к слову сказать, на то время шел мне уже пятый годок. Конечно, я его невзлюбил, однако свои обязанности нес исправно, в том числе и от того, что опасался батьковых тумачков. Батько мой, Владимир, был человек суровый, каких и вынашивала тогда наша земля, он работал «в скале», чем кормил семью, продолжая свой род Заболотных. От него я знал, что дед его, Тарас, в далекие царские времена пришел пешком из Украины и основал здесь род свой, взяв в жены девушку и родив двух сыновей – Харитона (моего деда) и Трофима, который рано умер, отчего продолжения своего рода не имел. Кем была моя прабабка – я не знаю, и имени ее уже никто не вспомнит.

Мама моя, Мария, была женщиной дородной, с красивым открытым лицом, и, не смотря на суровый быт окружающий

ее, была женщиной задорной, и я бы даже сказал искрометной, чем, несомненно, нравилась моему отцу, хотя, все равно ей от него и попадало, ведь время и нравы были такие. Тогда считалось, что если муж свою жену не бьет, то и не любит он ее вовсе, будто она ему безразлична. Мама рассказывала мне, что дед ее был по национальности поОляк, однако далее подробности мне неизвестны.

Конечно, у меня были дед и баба, по отцовской линии, к которым я любил бегать в гости, так как жили они неподалеку. Деда звали Харитон, как я уже говорил, однако многие его звали дед Пультэка, почему именно возникло такое прозвище, по какой причине и что явилось основанием, мы уже никогда не узнаем. Вообще деревенские жители были еще те мастаки давать прозвища – достаточно было не так произнесенного слова или фразы и к человеку мгновенно она приклеивалась, и он становился обладателем прозвища.

Одним прозвища давали по происхождению, другим по наитию. Достаточно было одному парню обмолвиться и на шпака (так у нас называли скворцов), сказать «пштак», так он тут же стал Пштаком, а позже и дети его – пштакими, или детьми Пштака или пштакинчатами. Одна женщина, имени ее я уже не помню, приехала, сбегая от голода из Поволжья, и поселившись в Булаганке, женила своего сына, Ивана на местной девке. Уж как звали эту несчастную девушку никто и не помнил, а все потому, что свекровь назвала ее при людях, как привыкла у себя на родине – снохой (что до сего

случая никто в селе не слыхивал), так и осталась бедная девушка Снохой, а дети ее – Сночынчатами. Особо запомнилась мне баба Мещиха, которая жила неподалеку, она разговаривали с сильным поволжским акцентом, делая ударение на «о», и врезалась мне в детскую память ее фраза:

– Пойду домой, в избе у меня Вовка гОлодный и Мешка гОлодный.

Фраза, в общем-то, совсем не смешная, но нам не смотря на то, что и мы были не лучше этих голодных Мешки и Вовки и также, не доедали, она, благодаря чисто манере ее произношения с определенным акцентом, казалась очень смешной.

Так вот, дом свой мой дед построил сам, из камня ракушечника, «семерика», так называемого, который сам и добыл, и камень этот был настолько крепок, что забить в стену гвоздь, оказывалось непосильной задачей. Люди, работавшие в скале, знали, что камень, добываемый с самых верхних слоев ракушечника, был более крепким, чем тот, который добывали с глубины, поэтому и ценился он выше. Наиболее крепким был камень, выходящий на поверхность, так называемый «дикарь», но его не брала уже никакая пила.

Жили дед с бабой под Валком, так назывался продолговатый холм, закрывавший село от пронизывающих северных и северо-восточных ветров и тянувшийся, практически, от самого побережья Азовского моря до Вонючей балки, которая делила, собственно, село пополам. Та половина,

на которой жили мы, называлась «Чортоскубы», а противоположная – «Та Сторона». За Валком, простиралась степь, упираясь в подножье Вала, господствующего над всей округой, образуя своим правым краем балку, выходящую к самому морю. Балка эта в месте выхода к морю, как говорят, имела название – Куликовская балка, по-видимому, в честь моих предков по материнской линии, которые издревле там ловили рыбу. Море в этом месте, имело небольшую глубину, и, соприкасаясь с берегом, образовывало песчаный пляж, обрамленный со стороны степи, невысоким обрывом. В этой степи чуть поодаль виднелись грязевые вулканы, куда мы любили бегать пацанами, наблюдая как из-под земной толщи вырываются клубы вонючего газа, образуя огромные бульбы. Недалеко от грязевых вулканов жили люди – одна семья основала свой хутор, что было удобно – не приходилось гнать далеко свою скотину, она паслась тут же неподалеку. Конечно, весной и в начале лета, скотине было хорошо – кормов хватало вдоволь, степь расцветала буйством красок, пела многоголосьем пения жаворонков, колосилась стеблями ковыля, наполняя воздух благоуханием чабреца и полыни. С приходом зноя, степь выгорала на солнце, и представляла собой пустыню с пожухлой травой, с небольшими, разбросанными кое-где, островками зеленой растительности, приспособившейся к невыносимому зною.

Бегая на вулканы, по дороге мы купались в ставках, разбросанных по степи, недалеко от деревни. Ставки имели

разную глубину и обладали илистым дном, и всегда первыми купались старшие, которые умели плавать, не поднимая ил со дна, после них, ставок уже доставался всем остальным, и вымазанные детишки, после купания в мутной илистой воде, шумной ватагой неслись домой, где ждали их родные.

Местность, расположенная за Валом так и называлась – Завал, другое ее название Камышлык, который разделялся условно на Великий Камышлык и Малый Камышлык. Место, где Вал выходил к морю, образуя огромные величественные обрывы, соединяясь с Малым Камышлыком, получило название – Семеновы кручи. Происхождение этих названий уходит в давние времена, а в дни сегодняшние, с уходом предыдущих поколений, лишь единицы знают, какой местности они принадлежат. Берег моря в Камышлыке усыпан крупными камнями, перемежающимися с галькой, и встречаясь с урезом воды, резко уходит на глубину. Вода, не смешиваясь с глинистыми обрывистыми берегами, была всегда чистой и прозрачной. Благодаря этим природным качествам здесь водилось много рыбы, которую при этом можно было ловить недалеко от берега. Благодаря рыбе здесь водилось и много змей, которые питались, в основном рыбой, встречались здесь и гадюки, отсюда и еще одно название этих мест – Гадючник.

Проехать в Камышлык можно было только через Завальские ворота – седловину, благодаря которой Вал делился надвое примерно посередине, через эти ворота вела дорога,

которая за ними разветвлялась на несколько дорог, все из которых вели к морю. Правая крайняя дорога к морю вела вдоль кустов шиповника и боярышника, разросшегося там в изобилии, невдалеке от обрыва, за которым образовалось обширное оползневое пространство – огромные слои земли, вместе с растительностью, год за годом, начиная от Семеновых круч, сползали к морю, захватывая все больше и больше пространства, и делая эту часть Завала абсолютно непроходимой. В равнинной части Завала, славившейся своими полями, цветущими разнотравием и спускающимися, с небольшим уклоном к самому морю, мужики косили сено, заготавливая его для скотины, на берегу же обосновались рыбацкие артели. Все это были рыбацкие места Булганакских рыбаков, которые справа граничили с Кутянскими артелями, а слева – с Мамскими (жителями Мамы Русской). Хотя мужики были и суровые, но каких-либо стычек, а не дай бог, поножовщины, не возникало – моря и его запасов хватало на всех. А о том, чтобы пересыпать чужие сети, или не дай Бог поживится за счет других, не могло быть и речи. Нечастые случаи, возникающие, когда-никогда, жестоко и навсегда пресекались. Это был суровый рыбацкий закон, и тот, кто хотел жить, в буквальном смысле этого слова, его исполнял. Весной, во время нереста осетровых, существовал негласный запрет на всякую ловлю, который исполнялся всеми беспрекословно. И в случае нарушения, при необходимости, карался, вплоть до смерти. И такие случаи изредка, но бывали – можно бы-

ло наткнуться невдалеке от берега на перевернутую лодку, в который был утопленник, при этом руки его канатом были привязаны к лодочной банке. Таковы были суровые будни жителей небольшого приморского села под названием Булганак.

-2-

К слову сказать, жили мы в каменном доме на Чортоскубовой стороне. Дом был сложен из «семерика», и он стоит до сих пор и будет стоять еще столько же и еще раз по столько. Дом состоял из двух комнат и сеней. В одной мы спали на лежанке, там же стоял стол, за которым собиралась наша семья за обедом, в дальней, от входных дверей комнате, была спальня родителей. Собираясь за обедом в большой комнате, мы сидели на лавке вдоль стены, напротив, за столом, сидели родители. В углу был установлен «мысник», в котором была собрана посуда, завешенный шторкой. Вдоль противоположной стороны комнаты стояла русская печь или по нашему «пичь», с лежанкой. Стол, во время обеда, венчал казанок, в котором находилось кушанье, и каждому из нас принадлежала деревянная ложка. Ели все прямо оттуда и не дай Бог, чтобы кто-то посмел стянуть какой-нибудь кусок от противоположного борта казанка, сразу мог получить деревянной ложкой по лбу, что сопровождалось батьковой фразой:

—Ешь возле себя.

Этот неписанный закон мы знали и старались его соблю-

дать, так как опасались последствий.

В сенях в холодное время года могла жить корова с теленком, или само теля, если было уже достаточно большим, чтобы обходиться без мамки, и в мои обязанности входило уносить из-под них все их испражнения, которые они производили в достаточном количестве. Ко всему мне нужно было успеть подставить под них ведро, чтобы они окончательно не загадили сени (или по нашему «сины»). При этом стоит напомнить читателю, что у меня уже был младший брат, который на звук журчания, мог и проснуться, от чего я мог схлопотать и оплеух.

Вот в таких нехитрых условиях и жила наша семья, они ничем не отличались от условий других семей в нашем поселке и являлись условиями привычными. Таков был уклад жизни того времени.

Как-то в один из дней осени, моя мама предложила перевести телку в дом, иначе, не дай Бог, ее украдут. А сказать по правде, воровство в то время процветало, как процветает оно сейчас и, судя по всему, процветать будет на наших просторах еще очень продолжительное время. Батяко на ее слова ответил:

—Будет весть по слободе, что начали красть, так переведем.

—Ну добре, ответила мать.

И этой же ночью нашу телку украли.

К слову о ворах. Крали, как правило, заезжие. И не дай

бог, им было пойматься нашим сельчанам. Правосудие чинили по месту. В этой связи хочу вспомнить нашего односельчанина Фетиса, то ли это имя было, то ли прозвище, не могу сказать, однако он был очень злой дядька. И если ловили вора, то его вязали и чинили самосуд. Этот Фетис шел со двора со словами :

—Йду вора быты,

И возвращался он только вечером, уже удовлетворенный, задумчивый, занятый своими мыслями.

Какова судьба была тех воров, история умалчивает, однако, вряд ли их лишали жизни, скорее всего после всех экзекуций их отпускали, и я очень сомневаюсь, что им, в последствии, приходила в голову мысль, о том, чтобы красть в этом селе в дальнейшем. Это был грубый, однако действенный метод, который приносил свои результаты.

Часто нас, пацанов, взрослые брали на рыбалку. Ловили они рыбу, как правило, драчкой, то есть обсыпали сетями по кругу море, начиная от берега, и после этого, с берега вытягивали сети уже с уловом. Улов распределяли между всеми рыбаками бригады по жребию. Если артель была колхозная, то улов принадлежал колхозу и распределялся по решению бригадира колхозу и небольшими хватками для членов артели. Хватки распределяли следующим образом: раскладывали рыбу примерно поровну, на число куч, соответствующее числу рыбаков, после чего одного из рыбаков отворачивали спиной, и поочередно указывая на кучи рыбы, он называл их

обладателя. Отворачивали спиной от улова по очереди всех рыбаков. Мужики смеялись меж собою, что когда отворачивали Петра-скупого, рыбака с Той стороны, и указывали на первую кучу, он всегда начинал с себя, и на вопрос:

– Кому?

Отвечал:

– Мэни!

Рыбаки вообще очень суеверный народ, и на счастье брали нас по очереди, одного из пацанов, в лодку, которая обсыпает сети, и садили его на корму. В задачи пацана входило своим присутствием приманить в сети как можно больше рыбы. Брали в лодку и меня и других пацанов, однако как ни странно, самый большой улов получался у мужиков, когда они садили в лодку моего брата Ивана. Этим он снискал популярность у рыбаков, чем без зазрения совести пользовался, да и мужики были дольны. Вот такая рыбацкая магия.

Как раз, ранней весной, я был на берегу с отцом. В лодку меня не взяли, да и отец в море не пошел, дел рыбацких и на берегу было много. Я стоял на берегу и смотрел на прибой сверху вниз. Волны были небольшими, они, то накатывались на пологий песчаный берег, то отступали в море. Это было завораживающее зрелище, то ли от него, толи от других причин, у меня закружилась голова, и я упал прямо в море на водоплеске. Благо, это увидел мой отец, он подбежал ко мне, поднял и привел меня в чувство. Выяснив, что со мной все нормально, оставил меня греться на солнышке и обсыхать,

продолжив заниматься своими делами. Таков был суровый быт того времени.

Какие еще обязанности были у наших пацанов – те, кто помладше пасли гусей, постарше – коров и телок, хотя организовали череды, где пасли весть колхозный скот, однако если люди хотели, чтобы их корова паслась на хорошей траве, то привлекали к этому занятию своих младших членов семьи. Конечно, мы участвовали в заготовке сена и прочих сельских обязанностях, которых на селе было немало.

Разрешалось нам и погулять. Мы разбредались по степи, играя в свои пацаньи игры, либо бегали по селу и окрестностям, гоняя «велосипед». Конечно, велосипедом это устройство не являлось, а представляло собой всего лишь обод от велосипедного колеса, сопровождаемый и направляемый палкой с крючком.

Однажды мы нашли самопал, он был изготовлен из куска трубы, загнутой на конце и прикрепленной к деревяшке проволокой. Старшие пацаны, которые были больше осведомлены о природе этого изделия, сообщили мне, что в трубу надо напихать пороха и тогда можно стрельнуть. За порохом и я пошел домой к батьке, так как он был охотником, как и большинство мужиков нашего села, и у нас дома было ружье. Отца я застал в горнице, он ходил по комнате и о чем-то раздумывал. Я начал канючить, и ходить за ним по пятам: – Папа, дай пороху, папа дай пороху!

Батько мой не отвечал. Окончательно осмелев, я продол-

жил:

– Пап, ну дай пороху!

Он, быстро повернувшись ко мне, не говоря ни слова, взял самопал в руки, посмотрел на него одним взглядом, сделал одно быстрое движение руками, разломив его напополам, после чего, так же невозмутимо отдал его мне. Взяв два кус-ка, я, обливаясь слезами, вышел на улицу. Таково было наше немногословное воспитание. Этот случай я запомнил на всю жизнь, и вспоминал его при каждом удобном случае.

Слегка повзрослев, к нашим обязанностям добавилась обязанность сходить в город за хлебом. Город, при этом, был расположен в нескольких километрах. Хлеб продавался в лавке и, как правило, чтобы его купить, нужно было отстоять большую очередь. Стояли в очередях взрослые и наравне с ними и дети как мы. Стояние в очереди было делом обыденным, оно начиналось еще задолго до того, как приво-зили хлеб в лавку. Это изматывало, люди были злые. Злые не по природе своей, а по причине постоянной нужды, преследовавшей их на протяжении всей жизни. В один из таких дней, очередь была настолько длинной и плотной, что про-биться к прилавку было очень тяжело. Вдруг какой-то ма-лец, не то чтобы ребенок, но и не взрослый, забравшись на козырек перед входом, спрыгнул вниз и по головам быстро, на четвереньках, забрался внутрь и через несколько секунд выскочил из лавки обрадованный, с буханкой хлеба. Люди, удивленные такой наглостью и умением, разрешили ему ото-

вариться, больше из уважения к его проворству. Видя такой исход дела, другой пацан, тоже решил повторить его подвиг, однако тут же был пойман, вытолкан из очереди и снабжен тумаками вдогонку.

Когда подходила наша очередь, мы брали по буханке хлеба, клали их в мешок и довольные шли домой. Городские жители при этом, не выказывали к нам какого – либо расположения, и все потому, что родители ни с чем другим как с мешком нас за хлебом отправить не могли, да потому, что и не было другой утвари. И по этим мешкам мы легко определялись в очереди и городские часто говорили:

– Опять деревенские со своими мешками поприходили, весь хлеб заберут.

И тому подобное. Отстояв определенное время, так как хлеб привозили тоже по часам, мы шли домой, каждый волоча за спиной в мешке по буханке хлеба. Я ходил с Иваном, и ему, учитывая его возраст, все же было довольно тяжело идти порядка четырех километров с мешком за плечами, отчего часто этот мешок, буквально, волочился по земле. А по приходу домой мы могли отдохнуть, и заняться своими пацанячими делами.

К слову, хлеб был большой, круглый, килограммовый и вкусный. Конечно, он был не из белой муки, а скорее из серой, но мы и ему были довольны. Этот хлеб нельзя было сравнить с хлебом, который продавали частники на рынке. Тот был пышным, очень высоким и при надавливании

на него рукой (что любили продемонстрировать лавочники) он быстро возвращался в первоначальное состояние. Таким хлебом, а скорее булкой, мы могли только изредка полакомиться, когда его покупали взрослые и брали нас на базар.

Говоря о торговле, стоит упомянуть и о способе доставки товара на рынок. Бабы с нашего села, встав затемно и подоив корову, шли пешком на базар. Кто нес свежесвыдоенное молоко, а кто и творог. Несли в кувшинах на палке или коромысле за плечами, и в основном многие использовали в качестве противовеса на противоположной стороне коромысла каменюку, завернутую в холщевый мешок. Дойдя до речки Мелек – Чесме, они сбрасывали камень в речку, и дальше уже шли на рынок без него. Таким образом, переправа через речку, представляющая собой несколько бревен уложенных рядом, обрастала и каменной насыпью, которую можно было использовать в дальнейшем для строительства каменного моста.

Берега речки были пологими, какая-либо растительность отсутствовала, так как она была вытоптана огромным количеством ног и колесами повозок. Место было людное, тут сновали «биндюжники» – извозчики, которые развозили товар, сами торговцы и прочий деловой люд. Также мне запомнилось это место в связи с так называемыми «поденщиками» – эти люди ожидали приглашения на работу определенным образом – они лежали на земле, головой к речке, вниз под уклон и на босых ногах их виднелась табличка или

надпись с указанием цены за полный трудовой день. Прохожие могли ознакомиться с ценником и осмотреть работника. Любой, разбудивший поденщика, знал, сколько ему следует заплатить за его работу, и тот, не спрашивая ни характера работы, ни прочих деталей, шел со своим работодателем, как правило, молча. Случавшиеся изредка недопонимания в виде торга или каких-либо расспросов, грубо и жестко пресекались этим братством и человек, проявивший такую бестактность или неосторожность мог легко поплатиться за это и оказаться речке.

Как я уже говорил, публика, приезжающая в Крым, была разная, как правило, голодная и, попав на относительно сытую землю, эти люди старались элементарно насытиться. Одному случаю я был свидетель, дело было на базаре, куда я поехал с родителями. Какой-то, по-видимому, вновь прибывший переселенец, купив за какие-то монеты малосольную кефаль, держа ее как огурец, жадно поглощал ее, откусывая большие куски. Проходящий мимо грек, который не привык к такого вида зрелищам, не смог сдержать возмущения и произнес, обращаясь к этому человеку:

– Что вы делаете, молодой человек, так же нельзя... это же божественный риб, его надо покласть на блюдо, сбрызнуть маслом, уложить по кругу маслины и только после этого кушать!

Посмотрев на говорящего, и удостоив его непонимающим взглядом, этот человек произнес:

– Шо?

После чего смачно откусил следующий кусок.

Увидев это, бедный грек, отшатнулся от него, чуть не лишившись чувств, и ушел, качая головой.

Ему, носителю древнейшей культуры, был непонятен этот варвар, приехавший неизвестно откуда на его землю, и таким образом поглощающий хорошую и вкусную рыбу. Откуда он мог знать, что этот человек, даже если бы и имел азы культуры, все равно не смог бы себя сдержать, в силу своего голода, от такого варварского поедания пищи.

Два слова о биндюжниках (была раньше такая профессия – портовый извозчик). Один из них – дядя Пава Гура был знаком моим родителям, а стало быть, и мне. Он был огромный дядька, и хотя вместо одной ноги у него был деревянный протез, благодаря своим огромным формам, вкушал немало пищи, чем славился. Также, он умел пользоваться и своей деревянной ногой не только по прямому предназначению. Например, он мог прийти на Сенной рынок и купить у торговца мешок сена для своей кобылы. Причем, рассчитавшись с ничего не заподозрившим торговцем, он принимался набивать мешок самостоятельно, и так ловко он управлялся своей деревянной ногой, что копыта сена начинала значительно мельчать, и бедный торговец не знал, что с этим делать и как отвадить такого покупателя, пока он не затолкал в мешок весь его стог. Дядя Пава управлял бричкой и, как правило, возил торговцев из порта, которые прибывали

с Кубани, и привозили продукты, для продажи их на местном рынке, ведь Кубань издавна снабжала Крым продуктами, да и поспевали они почему-то там всегда раньше. По дороге, бывало, нагруженная повозка не всегда легко давалась кобыле, и дядя Пава, ловко спрыгивая с нее, снимал с культы свой деревянный протез и, осыпая бранью бедное животное, сопровождал ее несколькими ударами своей деревянной ноги, после чего кобыла начинала шагать бодрее. От родителей я слышал смешную историю, о том, что дядя Пава (кстати кличка у него была соответствующая – Обжора), как-то подвозил женщину с двумя огромными (рыбацкими) корзинами слив. По дороге она имела неосторожность предложить дяде Паве угоститься сливами, чем тот не преминул возможностью воспользоваться. То и дело он нырял своей огромной пятерней в корзину за сливами, и к моменту приезда на рынок, бедный дядя Пава услышал от торговки:

– О боже, а де ж слывы?

Видимо, увлекшись, Д. Пава не рассчитал свои силы и уничтожил значительное количество товара, предполагавшегося для продажи.

По отношению к религии, можно сказать, что наши односельчане были не особенно религиозны, однако соблюдали основные церковные праздники и регулярно ходили в церковь. Такие походы обязательно происходили на Крещение, рождество и Пасху. Нас, детей, взрослые тоже, как правило, брали с собой. Это было утомительное стояние. Священник

и церковники читали молитвы, мы стояли, держась за подол, и изредка канючили, о том, что мы устали и давай пойдем домой. В ответ мы слышали:

– Подожди, счас дочитают до Христа.

Эта фраза надолго мне впилась в память, вместе с воспоминаниями о походах в церковь, ведь никогда больше, за всю свою жизнь, столько я церкви не посещал. И не потому, что я был неверующий, скорее – не религиозный, как и большинство моих современников. А ходить в церкву просто так, для галочки, не отдаваясь самому процессу с душой, значило для меня – «токо греха набираться», а к этому я не стремился. Ходили мы, как правило, в Братскую церковь, которая была расположена в городе Керчи, примерно там, где сейчас находится первый Портовый переулок, а также в Греческую церковь, которая находилась вблизи Сенного рынка (ныне площадь Ленина) и находится там и поныне. Участие в религиозных обрядах, соблюдение церковных праздников всегда было важно для наших предков, так как этим подтверждалась связь поколений, ведь наши отцы и деды и отцы и деды наших отцов были православные, и, соблюдая веру, хотя бы ее основные традиции и догмы православия, мы, таким образом, подтверждали эту связь, и несли ее в будущие поколения.

Конечно, не обходилось и без курьезов. Как-то раз, пошли мы на праздник Крещения в церковь. Людей было очень много и после чина освящения воды, народ ринулся к ку-

пели, стараясь побыстрее набрать освященной воды. Люди несдержанны в своих помыслах и действиях. В результате возникла давка, толпа опрокинула купель с освященной водой, облив ей священника и сбив его с ног. Тут же один из прихожан воскликнул:

– Граждане верующие, ну вы же верующие, что вы делаете?!

Толпа остановилась, посмотрела на него, и кто-то сказал:

– Якийсь дурной,

после чего продолжила свое стремление в наборе святой воды. Этот курьезный смешной и одновременно грустный случай, как нельзя точно, определял отношение наших современников к религии, и ее обрядам. Но не стоит их судить строго, ведь буквальное следование догматам не всегда соответствует истинному стремлению души и может являть собой лишь видимое внешнее действие, а наши люди, все же имели веру в своем сердце.

Бывали и просто смешные случаи. Как-то раз стояли мы всенощную на Пасху в Греческой церкви. В нее приходили и приезжали люди из города и близлежащих сел. Верующие приезжали, как правило, на возах. Коням давали овес, а сами шли в церковь, лишь изредка выходя осмотреть свой воз и пожитки. Один мужик, стоявший неподалеку от нас, вернувшись от воза, сообщил своей жене:

– Галю!

– Га!

–Щей га! Кинь паску зъив и вже яйцями тарахтить!!!

Не смотря на участие в богослужении, все, кто слышал этот диалог, просто прыснули со смеху. Видимо, конь был распряжен и, воспользовавшись своей свободой, залез в хозяйские пожитки и там славно попировал.

К слову сказать, брали нас в город и на кино. Кинотеатров было два: «Ударник» – бывшая гимназическая церковь, расположенный вдоль Набережной Сталина, и «Пионер» – бывшая армянская церковь, который был у подножья горы Митридат. Как- то раз я пошел с бабой в город и мы решили пойти на кино. С нами был и мой брат Иван. Уж какая была картина, я точно не помню. Да какие тогда были фильмы... в общем с нами Иван не пошел, и остался на улице. И, когда я вышел из кино, он радостный подбежал ко мне, и обрадовано сообщил, всем своим видом показывая, что более продуктивно провел время, чем я за просмотром скучной кинокартины:

– Зато я по приступкам набигався!!!

Вот таким нехитрым образом, как Иван, бегая по ступенькам кинотеатра, мы проводили свое свободное время и все равно были рады этому.

-3-

Продолжая свой рассказ, хочу вкратце упомянуть и о других моих родственниках. У моего отца была сестра – Мария, она вышла замуж за Николая Францевича, по фамилии Бенбен, и жила с ним, отдельно от нас и своих родителей. У них

родились дети – Борис, Лида и Николай. Борис был мой ровесник, когда родилась его младшая сестра и взрослые сообщили мне об этом, я громко воскликнул:

–Ну, теперь Борьке попоглядиться!!!

Взрослые долго смеялись над моей реакцией, понимая, что я, имея опыт присмотра за своим младшим братом Иваном, имел в виду.

Братья моего отца – Иван и Григорий умерли, один в младенчестве, другой в подростковом возрасте. Обстоятельства мне неизвестны. Остался только его младший брат Николай, он работал бухгалтером или счетоводом в колхозе, был, по-видимому, человеком образованным, о чем я сделал вывод при следующих обстоятельствах.

Как – то раз, когда мы все вместе были дома у моей бабы (к слову сказать, у меня еще была одна баба – «Красыва», так я называл свою двоюродную бабушку, с которой часто проводил свое время), она спросила моего отца – как посчитать: сколько будет килограммов, если взять 5 мешков по 45 кило зерна. Мой батяко стал считать: два – это 90 кил, 3-135 килограммов. Дядя Коля в это время также был в хате и читал газету, и, подняв глаза поверх газеты, мимоходом, сказал бабе – 225 килограммов, и все расчеты отца на этом прекратились. Из врожденных недостатков дяди Коли выделялась его прихрамывающая с детства походка – он слегка волочил ногу. Однако это не помешало получить ему по тем временам неплохое образование и занимать определенную должность

в колхозе. Жил он с женой, однако детей у них не было.

У моей матери было много родычей. У нее было две сестры – тетя Фрося и тетя Паша. Тетя Фрося вышла замуж за дядьку Фильку по фамилии Чаус, у них родилась дочка – Лидка, она была чуть младше меня по возрасту и считалась мне двоюродной сестрой. Также у меня было три дядьки – они были братьями моей матери – дядько Харитон, дядка Павка и дядька Мытька. У них был еще брат, Иван, но он умер раньше, еще до моего рождения. Дядьку Мытьку я помню плохо, так как с ним общался мало, по той причине, что жили они в городе. Фамилии у них всех были Куликовские, или по-деревенски – Кулыки. Между дядькой Харитоном и дядькой Павкой была большая разница в возрасте. Старше всех был дядька Харитон. Выглядел он как крымчак или татарин, и если не побреется, когда он отправляется в город, то это могло с ним сыграть злую шутку. Паспортов раньше в деревнях ни у кого не было, (в деревнях их начали давать гораздо позже). Вот бывало, пойдет он в город, по своим делам, а обратно его ведет красноармеец, под винтовкой, да со штыком – якобы вызывал подозрение, а удостоверить личность он никак не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.